СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXV, № 8.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ

ВЪ 1901 ГОДУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОТЧЕТЪ

О ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКИХЪ ПРЕМІЙ,

читанный въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1901 года

Ординарнымъ Академикомъ **А. Н. Веселовскимъ.**

На соисканіе Ломоносовскихъ премій въ текущемъ году поступило отъ четырехъ соискателей всего шесть сочиненій. Изъ этого числа комиссіею, образованною согласно § 10 Правилъ о присужденіи означенныхъ премій, изъ членовъ Отдѣленія: Ординарныхъ Академиковъ А. Н. Всеселовскаго, А. Н. Пыпина, А. А. Шахматова, В. И. Ламанскаго, Н. П. Кондакова и А. И. Соболевскаго, было признано необходимымъ отложить два сочиненія одного изъ соискателей до ближайшаго по Отдѣленію русскаго языка и словесности присужденія Ломоносовскихъ премій, которое послѣдуетъ въ 1903 году.

Такимъ образомъ разсмотрѣнію означенной Комиссіи подлежало всего четыре сочиненія:

I.

Экстраординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета А. Н. Ясинскаго: «Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка.

Томъ I: Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права (Юрьевъ, 1901 г.)». Разсмотрѣніе означеннаго труда по предложенію Отдѣленія принялъ на себя профессоръ Императорскаго Университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскій.

Авторъ даннаго труда, профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, А. Н. Ясинскій, — говоритъ г. рецензентъ, — уже въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ посвящаетъ свои силы спеціальнымъ занятіямъ въ области соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Въ 1895 году вышло въ свѣтъ его сочиненіе: «Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ (X—XIII в.)», удостоенное Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ преміи имени профессора А. А. Котляревскаго въ половинномъ размѣрѣ. Новый его трудъ, составляющій первый томъ цѣлой серіи задуманныхъ авторомъ и отчасти уже приготовленныхъ къ печати «Очерковъ и изслѣдованій», находится въ тѣсной связи съ первымъ вышеназваннымъ сочиненіемъ. Онъ содержитъ болѣе глубокое изслѣдованіе нѣкоторыхъ вопросовъ, частью лишь поставленныхъ, частью слегка затронутыхъ въ болѣе ранней работѣ. Почтенный изслѣдователь прекрасно понялъ, что изображеніе въ полномъ объемѣ, въ цѣльной и ясной картинѣ, соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка станетъ возможнымъ только послѣ спеціальнаго монографическаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ. Одному изъ такихъ крупныхъ, наиболѣе важныхъ вопросовъ — уясненію основъ соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства «обычнаго права» — профессоръ Ясинскій посвящаетъ первый томъ своихъ «Очерковъ и изслѣдованій».

Достоинства хорошаго научнаго критическаго изслѣдованія, заявленныя въ значительной степени и въ первой работѣ о паденіи земскаго строя въ чешскомъ государствѣ, выступаютъ еще въ большей степени въ новѣйшемъ сочиненіи профессора Ясинскаго. Авторъ работалъ непосредственно и самостоятельно по

первоисточникамъ, причемъ привлекъ къ разсмотрѣнію и изученію матеріалъ (поземельныя описи или урбаріи), который до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ національные изслѣдователи внутренней исторіи чешскаго государства. Онъ хорошо знакомъ съ методами изслѣдованія явленій соціальной и экономической жизни, умѣло извлекаетъ изъ источниковъ всѣ представляемыя ими данныя и точно опредѣляетъ ихъ значеніе какъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ или другомъ изслѣдуемомъ явленіи. Хорошо извѣстна профессору Ясинскому и литература изучаемыхъ имъ вопросовъ. Ко взглядамъ своихъ предшественниковъ онъ относится критически, ничего не принимаетъ на вѣру, всякое мнѣніе подвергаетъ разбору. Вообще полная самостоятельность изслѣдованія и независимость взглядовъ автора составляютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его труда. Выводы автора большею частью отличаются свѣжестью и новизной, и если, быть можетъ, не всѣ получатъ значеніе общепризнанныхъ истинъ, то во всякомъ случаѣ послѣдующимъ изслѣдованіямъ нельзя будетъ не считаться съ ними, какъ основанными на самостоятельномъ и тщательномъ изученіи историческаго матеріала.

Въ первомъ своемъ сочиненіи («Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ») профессоръ Ясинскій проводилъ мысль, что процессъ замѣны общеславянскаго земскаго строя въ Чехіи сословнопривилегированнымъ обусловливался государственными нуждами и потребностями и облекался въ формы вполнѣ самобытныя. При этомъ авторъ совершенно отрицалъ воздѣйствіе на этотъ процессъ со стороны иноземныхъ нѣмецкихъ началъ. Критика уже отмѣтила всю поспѣшность такого вывода. Въ новомъ своемъ трудѣ профессоръ Ясинскій почти совсѣмъ не касается вопроса о нѣмецкомъ вліяніи на измѣненіе соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ XIII и XIV вв.; но онъ все таки остается при прежнемъ взглядѣ о *самобытномъ* развитіи этихъ отношеній и нерѣдко подчеркиваетъ эту «самобытность». Такъ, вторая глава носитъ названіе: «*самобытное* развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села»; доканчивается эта глава вы-

водомъ: «Развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села было *самобытно*, такъ какъ обусловливалось условіями и запросами жизни, зарождавшимися въ нѣдрахъ самого общества». Развитіе зависимыхъ отношеній также разсматривается, какъ естественный результатъ внутренней колонизаціи, вызванной уменьшеніемъ количества пустошей. Въ этомъ подчеркиваніи «самобытности» чешскаго соціальнаго и аграрнаго строя въ данный періодъ несомнѣнно заключается слабая сторона труда профессора Ясинскаго. Оно невольно внушаетъ читателю подозрѣніе, что авторъ приступилъ къ работѣ съ извѣстной предвзятой мыслью, чего на дѣлѣ, вѣроятно, не было. Профессоръ Ясинскій далъ отчетливую картину развитія соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка и на этомъ пока слѣдовало остановиться. Рѣшать вопросъ о томъ, было ли это развитіе самобытно, или оно совершалось подъ вліяніемъ чужихъ нѣмецкихъ началъ, — можно будетъ тогда, когда нашъ авторъ въ дальнѣйшихъ томахъ своей работы опредѣлитъ болѣе или менѣе точно размѣры нѣмецкой колонизаціи въ Чехіи въ средніе вѣка и степень силы и распространенія въ чешскомъ народѣ латино-нѣмецкихъ стихій. Пока этого имъ не сдѣлано, утвердившееся въ чешской исторіографіи мнѣніе о значительномъ вліяніи нѣмецкаго права и нѣмецкихъ обычаевъ на соціальную и культурную жизнь Чехіи въ средніе вѣка вполнѣ сохраняетъ свое значеніе. Впрочемъ, и въ книгѣ профессора Ясинскаго встрѣчаются замѣчанія, ослабляющія его утвержденіе относительно «самобытнаго» развитія чешской соціальной и экономической жизни. Напримѣръ, на стр. 26 авторъ говоритъ: «Исторія XIV вѣка есть исторія *ассимиляціи отечественныхъ началъ быта съ новыми правовыми и экономическими началами, заимствованными отъ романо-германскаго міра*»... Или на стр. 257: «Когда же.... Чехія сдѣлалась королевствомъ, государи *подъ вліяніемъ чуждыхъ народу юридическихъ воззрѣній* стали систематически расшатывать правовыя основы стариннаго быта»....

Всѣ эти недочеты, по мнѣнію рецензента, какъ и указан-

ные выше, нисколько не умаляютъ отмѣченныхъ крупныхъ достоинствъ труда профессора Ясинскаго. Трудъ этотъ и по цѣнности внесеннаго въ него матеріала, и по точности метода изслѣдованія, и по новизнѣ выводовъ значительно содѣйствуетъ уясненію соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно обогащаетъ русскую ученую литературу, такъ бѣдную самостоятельными трудами по исторіи западнаго славянства. На основаніи изложеннаго рецензентъ находитъ, что данное сочиненіе профессора А. Н. Ясинскаго вполнѣ заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовской преміею.

II.

Профессора Императорскаго Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскаго: а) «*Очеркъ славянской кирилловской палеографіи.* Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ (Варшава, 1901 г.)», и б) «*Образцы славянскаго кирилловскаго письма съ X по XVIII вѣкъ* (Варшава, 1901 г.)».

Разсмотрѣніе означеннаго труда было поручено П. К. Симони.

Трудъ проф. Императорскаго Варшавскаго Университета Е. Ѳ. Карскаго, представленный въ настоящемъ году на соисканіе Ломоносовскихъ премій, есть переизданіе, исправленное, отчасти передѣланное, а, главное, увеличенное противъ его же печатнаго курса по славяно-русской палеографіи, читаннаго имъ въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и отпечатаннаго въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ тт. XXXV—XXXVII и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Изъ лекцій по славянской кирилловской палеографіи, читанныхъ.....» Варшава, 1897 г. (стр. 173+1 табл. снимковъ), съ отдѣльною брошюрою: «Дополненій и поправокъ» (на 24 страницахъ), б. о. м. и. г. п. Въ предисловіи къ новому изданію своего труда (впрочемъ подъ измѣненнымъ загла-

віемъ) авторъ указываетъ, что въ основѣ «Очерка» славянской кирилловской палеографіи лежатъ его «Лекціи», указанныя выше, но прибавляетъ, что настоящій «Очеркъ» существенно отличается отъ «Лекцій» какъ по своему объему (изданіе болѣе, чѣмъ утроилось), такъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ составленъ преимущественно на основаніи первоисточниковъ, самихъ рукописей, тогда какъ «Лекціи» опирались на разныя изданія памятниковъ и на пособія.

О цѣли изданія своего труда авторъ въ томъ же предисловіи говоритъ, что какъ и при выпускѣ «Лекцій», онъ «имѣлъ въ виду дать *первое* руководство приступающему къ занятіямъ старинными рукописями, съ цѣлями ли чисто археологическими и лингвистическими, или историко-литературными. Палеографъ найдетъ здѣсь болѣе или менѣе обширный конспектъ для собиранія матеріаловъ по славянской кирилловской палеографіи.....»

Вполнѣ цѣня всѣ предыдущіе труды почтеннаго автора подлежащаго разсмотрѣнію сочиненія и отдавая должное трудолюбію его на палеографическомъ поприщѣ, рецензентъ все таки не могъ согласиться съ нѣсколькими частностями, какъ будетъ сказано ниже.

Весь трудъ проф. Карскаго построенъ по образцу прекраснаго, но уже значительно устарѣвшаго нынѣ и не полнаго сочиненія по греческой палеографіи В. Гардтхаузена—«Griechische Palaeographie (Leipzig, 1879)»—и распадается на слѣдующіе отдѣлы или главы:

I. Предметъ науки и ея методы (стр. 3—10).
II. Источники для палеографическихъ наблюденій (с. 11—58).
III. Пособія (с. 59—85).
IV. Матеріалъ, на которомъ писали (с. 86—109).
V. Форматъ и переплетъ рукописей (с. 110—126).
VI. Принадлежности письма (с. 127—136).
VII. Орнаментъ (с. 137—157).

VIII. Исторія славянскаго кирилловскаго письма (с. 158—257).

IX. Криптографія, или тайнопись (с. 258—268).

X. Писцы книгъ (с. 269—325).

XI. Появленіе славянскаго кирилловскаго книгопечатанія (с. 326—332).

XII. Разные изводы рукописей въ зависимости отъ мѣста написанія и орѳографіи (с. 333—371).

Приложенія: 1) Глаголическая азбука (с. 375—380).
2) Пермскія письмена (с. 381—384).
3) Снимки съ рукописей (с. 385—459).

4. Дополненія и поправки (с. 461—491).

5. Указатели, личный и реальный (492 сл.).

Въ представленномъ извлеченіи изъ своего отчета рецензентъ остановился лишь на нѣкоторыхъ недочетахъ труда проф. Карскаго. Къ числу послѣднихъ онъ относитъ:

1) Прежде всего, равномѣрно проходящую по всѣмъ отдѣламъ книги недостаточность или даже отсутствіе точнаго разграниченія палеографическаго матеріала, извлекаемаго авторомъ изъ разныхъ рукописей: греческихъ (византійскаго періода) и славянскихъ изводовъ — русскихъ и юго-славянскихъ, на что уже указалъ автору въ своей рецензіи на его трудъ магистрантъ С. М. Кульбакинъ (въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ., октябрь, 1901 г., ч. CCCXXXVII, отд. Крит. и библіографія, стран. 498—500).

2) Затѣмъ, сбивчивое изложеніе очень важныхъ для его читателя — неофита въ славянской палеографіи, какого именно прежде всего имѣетъ въ виду авторъ — свѣдѣній о способахъ воспроизведенія памятниковъ письма въ снимкахъ, для изданія ли, или вообще для подбора данныхъ по тому или иному научному вопросу. По мнѣнію рецензента, отдѣлъ этотъ въ такомъ трудѣ, какъ настоящій, долженъ бы быть изложенъ со всевозможною

обстоятельностью и точностью, такъ какъ по современнымъ намъ научнымъ требованіямъ, каждое изданіе того или иного памятника письменности или даже только изслѣдованіе о немъ — не исключая памятниковъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ позднихъ — должно быть снабжено достаточнымъ количествомъ снимковъ какъ для знакомства съ разными почерками одного и того же списка, такъ и для представленія себѣ читателемъ обмолвокъ (рѣчи), описокъ (письма) писца рукописи и поправокъ, особенно позднѣйшихъ, въ виду того, что такія данныя важны для изслѣдователя литературной исторіи памятниковъ. Думается, что слѣдовало бы изложить опредѣленіе самыхъ способовъ воспроизведенія письма памятниковъ, и какъ указать для пользы самаго дѣла, вообще съ большею подробностію, самые способы дѣланія снимковъ (ихъ технику), такъ и перечислить всю относящуюся къ этому предмету новѣйшую литературу и русскую, и особенно иностранную. Въ этомъ же отдѣлѣ слѣдовало бы также сказать нѣсколько словъ о пріемахъ ученой критики текста памятниковъ письменности, объ отличеніи редакцій одного и того же памятника, и т. п.

3) Самымъ же главнымъ недостаткомъ труда рецензентъ считаетъ то, что авторъ, слѣдуя примѣру германскаго палеографа Ватенбаха, извѣстнаго между прочимъ своими трудами по греческой и латинской палеографіи (особенно Anleitung zur griechischen Palaeographie, 3-te Aufl., Lpz., 1895), и отчасти по примѣру своего предшественника ак. И. И. Срезневскаго, автора «Славяно-русской Палеографіи. XI—XIV вв. С.-Пб. 1885 г.», и поставивъ себѣ задачей разсмотрѣніе исторіи славянскаго кирилловскаго письма въ отношеніи къ исторіи случаевъ употребленія начертаній и перечисленія отдѣльныхъ буквъ всѣхъ родовъ и всѣхъ семей письма, не сумѣлъ однако справиться съ ней: обозрѣніе у него ведется въ порядкѣ азбуки въ весьма смѣшанномъ видѣ (чего пришлось коснуться выше), изложенное на многихъ страницахъ (см. стр. 183—218). Въ выноскѣ 2-ой къ стр. 183-й авторъ говоритъ, что «при изложе-

ніи настоящаго отдѣла главнымъ пособіемъ служили ему литографированныя лекціи проф. А. И. Соболевскаго: Славяно-русская палеографія», С.-Пб. 1893 г., стр. 70—88. Приходится сожалѣть, что авторъ — хотя и сосредоточилъ свое вниманіе на обстоятельности изложенія, по возможности, всего матеріала, извѣстнаго ему изъ печатныхъ источниковъ и частію изъ непосредственнаго знакомства съ рукописями, — относительно разныхъ случаевъ употребленія того или иного вида начертанія каждой буквы кирилловскаго алфавита, — не послѣдовалъ примѣру труда по тому же предмету, принятаго имъ за главное пособіе[1]). Тогда какъ у А. И. Соболевскаго на очень немногихъ страницахъ, въ сжатомъ видѣ, но съ достаточною обстоятельностью дано изложеніе только важнѣйшихъ въ строго-палеографическомъ отношеніи начертаній и притомъ весьма удачно для сей цѣли подобранныхъ буквъ, наблюденія надъ которыми помогаютъ съ большею или меньшею надежностію разобраться въ вопросахъ о времени написанія того или иного памятника, — у профессора Карскаго мы находимъ на стр. 218-й въ концѣ отдѣла лишь всего нѣсколько общаго содержанія строкъ въ видѣ руководственнаго замѣчанія, въ которыхъ говорится, что «въ палеографическомъ отношеніи особенно интересными являются тѣ или другія написанія йотованныхъ гласныхъ (ѥ, ѩ, ю), а также»... и т. д. Такимъ образомъ такое чрезвычайно важное и долженствующее служить чуть ли не первымъ и единственнымъ пособіемъ къ опредѣленію времени написанія даннаго текста — руководящее замѣчаніе, поставленное въ заключеніе всего пространно, но все-таки недостаточно полно изложеннаго важнѣйшаго отдѣла рецензируемаго труда, — является какъ бы замѣчаніемъ лишь мимоходомъ оброненнымъ, а не поставленнымъ «во главу угла» (какъ это сдѣлано у профессора Соболевскаго). Оттого изложеніе этого отдѣла у автора можетъ имѣть цѣну

1) Ср. стр. 75.

лишь для человѣка, уже искушеннаго въ основахъ ученія палеографовъ, но для приступающаго только что къ знакомству съ этими вопросами — будетъ непосильно и не ясно.

4) Къ стр. 60. — Слѣдовало бы указать еще нѣсколько наиболѣе важныхъ трудовъ по греческой и въ частности византійской палеографіи, напримѣръ, а) Шарля Гро рецензіи на Ваттенбаха и Гардтхаузена; б) труды и изданія Маттеи и —, пожалуй, Скіады; в) Арх. Амфилохія (ср. стран. 61 и 71, особенно его работы изслѣдовательнаго характера), хотя и несовершенныя, такъ какъ онѣ исполнены были на основаніи снимковъ переводомъ на (промасленную) сквозную бумагу и проч. (Ср. Библіологич. опытъ А. Котляревскаго въ его Сочин. IV, 391—2).

5) Къ стр. 63. — Отмѣчая въ очеркѣ исторіи русской палеографіи плодотворную дѣятельность Калайдовича, митроп. Евгенія (Болховитинова) и Востокова, проф. Карскій не нашелъ нужнымъ почтить даже простымъ упоминаніемъ дѣятельность двухъ ученыхъ, сдѣлавшихъ много своихъ вкладовъ въ изученіе славянорусской палеографіи — П. И. Кеппена и В. М. Ундольскаго. О Кеппенѣ имѣются у него упоминанія лишь на стр. 18 (о Библіограф. Листахъ) и 30 (Собраніи памятниковъ внѣ Россіи); не отмѣченъ вовсе важный его (даже послѣ изданій И. И. Срезневскаго того же рода въ 1860-ыхъ годахъ) трудъ: «Списокъ рускимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ. Напечатанъ иждивеніемъ Его Сіят. Графа Ѳ. А. Толстова». М. 1822 г. 8°. Цѣнность этого труда возвышается нынѣ еще тѣмъ, что нашлись недавно всѣ подлинные снимки Кеппена, считавшіеся утраченными и перечисленные въ печатномъ его описаніи, — и тѣмъ, что среди нихъ есть нѣсколько снимковъ съ памятниковъ, уже нынѣ погибшихъ или неизвѣстно гдѣ находящихся. Кеппенъ въ кружкѣ гр. Румянцова считался какъ бы присяжнымъ палеографомъ (см. стр. 147 Переписки Востокова. Тамъ же объ его палеографическихъ работахъ вообще и о продажѣ снимковъ Росс.

Академіи). Впрочемъ, митроп. Евгеній болѣе способнымъ для сего считалъ Востокова (стр. 83), а графъ Румянцовъ и поручилъ наконецъ тому же Востокову составленіе славяно-русской палеографіи (стр. 243, 247, 422—3). Отмѣтимъ еще его рецензію на Описаніе рукописей гр. Ѳ. П. Толстого, составленное Строевымъ и Калайдовичемъ — (см. у Котляревскаго въ Библіол. Опытѣ. Соч. IV, 241), и его статью «Die slavisch-russische Schrift von XI bis sur XV Jahrhundert», съ 1 палеогр. таблицею — опытъ своднаго алфавита изъ датированныхъ рукописей (Bulletin historico-philol. V—1848, № 3, 33—48. См. еще вообще о Кеппенѣ въ Библ. Опытѣ Котляревскаго, въ его Соч. IV, № 20, стр. 243—4).

6) Къ стр. 65. — Не упомянута Переписка Востокова (V томъ Сборника Отдѣл. русскаго яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ). См. особенно письма гр. Румянцова, Евгенія, Калайдовича и другихъ и переписку ихъ между собою.

7) Къ стр. 65—6. — Ни слова не упомянуто о трудахъ В. М. Ундольскаго по славяно-русской палеографіи, хотя его мастерски выбранные изъ русскихъ рукописей (особенно Св.-Троице-Сергіевой Лавры, Синод. и Типогр. Библіотекъ и Архива Мин. Иностр. Дѣлъ) XI—XVII столѣтій снимки въ числѣ 86 таблицъ до сихъ поръ привлекаютъ къ себѣ вниманіе палеографовъ. Экземпляръ этихъ снимковъ съ заготовленными для ихъ продолженія матеріалами, равно какъ и его рукописные матеріалы для задуманнаго имъ въ 1840-ыхъ годахъ цѣннѣйшаго труда, которое онъ озаглавилъ: «Опытъ Славяно-Русской Палеографіи, или искуства распознавать время написанія рукописей и правильно читать оныя, съ присовокупленіемъ снимковъ съ разныхъ кодексовъ и граматъ съ XI по XVIII вѣкъ» — сохранились (въ Моск. Публичн. и Румянц. Музеяхъ) и служатъ до сихъ поръ хорошимъ пособіемъ для начинающихъ тружениковъ, подвизающихся на палеографическомъ поприщѣ. Пока рецензентъ не упоминаетъ о многихъ цѣнныхъ и руководящихъ работахъ Ундольскаго по палеографіи и изученію вообще рукописной старины и книжнаго

дѣла, такъ какъ впослѣдствіи будетъ имъ сказано о томъ подробнѣе.

8) Къ стр. 79. — Не отличены два разнородные вида изданій Общества Любителей Древней Письменности — «Изданія» и «Памятники».

9) Къ стр. 82. — Необходимо отмѣтить тутъ же: а) первое, но болѣе полное изданіе указаннаго труда И. П. Каратаева, именно его: «Хронологическую роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами 1491 — 1730 (С.-Пб.—1861 г. въ м. 8 д. л.), и б) В. М.Undольскаго «Очеркъ славянорусской библіографіи» съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Викторова. (М. 1871, Вып. I «Хронологическаго указателя славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1491-го по 1864-й г.»).

10) Къ стр. 82. Не отмѣчена брошюрка Лашкевича: «Самоучитель чтенія рукописей XVII столѣтія» (1891 г.?).

11) Къ стр. 99. Не отмѣчено, что для своихъ работъ дѣлали собранія снимковъ съ проточныхъ знаковъ на бумагѣ — А. Востоковъ, Мейчикъ и нѣкоторые другіе. Также не указана рецензія А. Х. Востокова на «Опытъ» Лаптева (въ Библіографическихъ Листахъ Кеппена, 1825 г. № 44, стр. 133—6).

12) Къ стр. 106. По поводу Тмуторокапскаго камня (около 1068 г.) стоило бы замѣтить, что отъ времени до времени онъ возбуждалъ въ ученыхъ сомнѣнія въ своей подлинности (и даже въ самое недавнее время послужилъ предметомъ ученаго спора и притомъ не въ пользу своей древности).

13) Къ стр. 127. Про орудіе для проведенія линій на пергаменѣ и проч. сказано..... «ножъ, или гвоздь, или грифель, которое *назовемъ* словомъ *lineal* (греч. κανών, στῦλος)». Непонятно, зачѣмъ понадобилось автору нѣмецкое слово въ новѣйшей его формѣ, такъ какъ извѣстна болѣе общая и старая латинская форма — *liniarium* («Est autem *liniarium* instrumentum scriptorum, secundum quod format lineas, quibus dirigitur scriptor in scribendo directe litterales figuras»). По греч. κανών, κανονίς

(иногда παράγραφος). См. «Das Schiftwesen im Mittelalter», von W. Wattenbach. Lpz. 1896, S. 218[3].

14) Къ стр. 157. — Выборъ цвѣта красокъ для орнаментаціи (раскрашиванія большихъ заглавныхъ буквъ, заставицъ и т. п.) — авторъ склоненъ объяснять *случайностью*, но съ этимъ едва ли можно согласиться.

15) Къ стр. 181—2. Неточно сказано, что: «Послѣ Востокова этимъ «остромировскимъ шрифтомъ» *печатаются* у насъ *всѣ* древнѣйшіе памятники». Послѣ изданія Востокова О. Ев. (Спб. 1843 г.) — шрифтъ этотъ не употреблялся почти никѣмъ и нынѣ растерянъ и частію утраченъ. Впрочемъ, О. М. Бодянскимъ этимъ же шрифтомъ было напечатано нѣсколько изданій памятниковъ («Богословіе» и «Шестодневъ», см. у проф. Карскаго, стр. 69 въ примѣчан. г. и д.).

— Къ стр. 181—2. Изданія Ягича печатаются шрифтомъ, извѣстнымъ въ типографіи Императорской Академіи Наукъ подъ названіемъ «вѣнскаго». Такимъ шрифтомъ еще въ 1854 году была отпечатана, напр., «Хрестоматія церковно-словенскаѧ и древне-рускаѧ», Якова Головацкаго.... (Въ Вѣдни, 1854—8°) и т. п.

16) Къ стр. 259. Думается, что предѣлъ начальнаго появленія угловатой глаголицы (по мнѣнію проф. Карскаго, «древнѣйшіе памятники, писанные этою глаголицею, относятся *только* къ XIV—XV вв. (глаголич. часть Реймскаго Евангелія 1395 г.)» могъ бы быть отодвинутъ нѣсколько болѣе въ глубь къ началу письменности. Вообще изложеніе свѣдѣній по исторіи употребленія глаголицы—на стр. 259—оставляетъ желать большей осторожности и точности.

17) Къ стр. 308 слѣд. — и 481. Алфавитный *списокъ* извѣстныхъ *писцовъ* кирилловскихъ книгъ по 1500 годъ — можно бы было пополнить еще болѣе, даже если бы воспользоваться указаніями исключительно однихъ печатныхъ описаній рукописей, что̀ было легко сдѣлать, такъ какъ нерѣдко они снабжены указателями.

Въ заключеніи рецензентъ говоритъ: «не смотря на указанные недостатки, объемистый трудъ (печатался въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ съ 1899 по 1901 годъ) проф. Е. Ѳ. Карскаго, стоившій ему многихъ трудовъ, сопряженныхъ съ поѣздками въ отдаленныя отъ Варшавы важнѣйшіе центры храненія памятниковъ кирилловской письменности, — заслуживаетъ полнаго вниманія всякаго образованнаго человѣка, дорожащаго судьбами отечественнаго просвѣщенія вообще и памятниковъ искусства и древности въ частности. Кромѣ того, онъ вообще имѣетъ и неотъемлемыя научныя достоинства. Посему мы не колеблясь рѣшаемся ходатайствовать передъ Императорскою Академіею Наукъ о награжденіи полезнѣйшаго труда проф. Карскаго Ломоносовскою преміею въ половинномъ размѣрѣ».

III.

«*Словарь областного олонецкаго нарѣчія* въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Г. И. Куликовскій (С.-Петербургъ, 1898 г.) — съ особымъ *Дополненіемъ* (Москва, 1899 г.).

Настоящій трудъ былъ разсмотрѣнъ академикомъ А. И. Соболевскимъ.

Трудъ г. Куликовскаго заслуживаетъ вниманія. Въ немъ собрано относительно большое число словъ Олонецкаго края, по преимуществу записанныхъ имъ лично на мѣстѣ, отчасти заимствованныхъ изъ печатныхъ источниковъ; означено (не всегда впрочемъ) ихъ удареніе; указано ихъ значеніе; приведены (часто) тѣ выраженія, въ которыхъ ему привелось ихъ услышать. Если мы примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что онъ составленъ въ мѣстахъ сожительства племенъ русскаго и финскаго и посвященъ словарному матеріалу говора особенно богатаго финнизмами, то его научная цѣнность будетъ для насъ достаточно ясна.

Къ сожалѣнію, словарь г. Куликовскаго имѣетъ *крупные* недостатки.

Прежде всего это — не словарь, а лишь матеріалы для словаря. Г. Куликовскій воспользовался печатными источниками; они у него перечислены послѣ предисловія. Но далеко не всѣми и далеко не полно.

Второй недостатокъ труда г. Куликовскаго — неточность въ передачѣ звуковъ. Этотъ укоръ относится къ ороографіи. Г. Куликовскій не можетъ устоять противъ орѳографическихъ привычекъ — и даетъ *а* тамъ, гдѣ въ олонецкомъ говорѣ слышится *о*, *е* — тамъ, гдѣ бы надо написать *ё*, *с* тамъ, гдѣ слышится *з*, и т. п.

Мѣстные знатоки олонецкаго нарѣчія, вѣроятно, указали бы еще на не всегда вѣрное опредѣленіе значенія словъ. Мы можемъ привести лишь нѣсколько примѣровъ, гдѣ г. Куликовскій расходится съ другими, и гдѣ точность не на сторонѣ г. Куликовскаго. Напримѣръ, по г. Куликовскому, *боковушка* — «комната, устроенная въ кладовой деревенскаго дома»; по Б. В. Яновскому это слово означаетъ небольшую, отдѣльную отъ избы горницу, гдѣ промышленники складываютъ свою добычу. («Библіотека для чтенія» 1855 года, томъ 131, стр. 183).

Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершенства; чувствуется недостаточность необходимой научной подготовки у автора. Тѣмъ не менѣе онъ расширяетъ наши свѣдѣнія о русскихъ народныхъ говорахъ и можетъ быть полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Въ виду этого онъ заслуживаетъ поощренія.

Комиссія, разсмотрѣвъ упомянутыя сочиненія и представленныя на нихъ рецензіи профессора Императорскаго Университета Св. Владимира Т. Д. Флоринскаго, П. К. Симони и академика А. И. Соболевскаго, присудила посредствомъ закрытой баллотировки профессорамъ А. Н. Ясинскому и Е. Ѳ. Карскому за представленные ими на конкурсъ труды *по малой*

Ломоносовской преміи, въ пятьсотъ рублей каждая; словарный же трудъ Г. И. Куликовскаго Комиссія признала заслуживающимъ *почетнаго отзыва* имени Ломоносова. Означенное постановленіе Комиссіи Отдѣленіе русскаго языка и словесности единогласно утвердило и постановило выразить свою искреннюю благодарность г.г. рецензентамъ, разсматривавшимъ по его порученію поступившіе на Ломоносовскій конкурсъ печатные труды.

Слѣдующее ближайшее присужденіе Ломоносовскихъ премій по Отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ послѣдуетъ въ 1903 году; срокомъ для представленія сочиненій на соисканіе этихъ премій назначено 1-е іюня 1903 года.

I.

А. Н. Ясинскій. Очерки и изслѣдованія по соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Томъ I. Основы соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства обычнаго права. Юрьевъ, 1901 г.

Рецензія профессора Т. Д. Флоринскаго.

Авторъ даннаго труда, профессоръ Императорскаго Юрьевскаго Университета, А. Н. Ясинскій уже въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ посвящаетъ свои силы спеціальнымъ занятіямъ въ области соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка. Въ 1895 году вышло въ свѣтъ его сочиненіе «Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ» (X—XIII в.), удостоенное Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ преміи имени проф. А. А. Котляревскаго въ половинномъ размѣрѣ. Новый его трудъ, составляющій первый томъ цѣлой серіи задуманныхъ авторомъ и отчасти уже приготовленныхъ къ печати «Очерковъ и изслѣдованій», находится въ тѣсной связи съ первымъ вышеназваннымъ сочиненіемъ. Онъ содержитъ болѣе глубокое изслѣдованіе нѣкоторыхъ вопросовъ, частью лишь поставленныхъ, частью слегка затронутыхъ въ болѣе ранней работѣ. Почтенный изслѣдователь прекрасно понялъ, что изображеніе въ полномъ объемѣ, въ цѣльной и ясной картинѣ соціальныхъ и экономиче-

скихъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка станетъ возможнымъ только послѣ спеціальнаго монографическаго изученія отдѣльныхъ вопросовъ. Одному изъ такихъ крупныхъ, наиболѣе важныхъ вопросовъ—уясненію основъ соціальнаго строя чешскаго народа въ эпоху господства «обычнаго права» проф. Ясинскій посвящаетъ первый томъ своихъ «Очерковъ и Изслѣдованій».

Достоинства хорошаго научнаго критическаго изслѣдованія, заявленныя въ значительной степени и въ первой работѣ о паденіи земскаго строя въ чешскомъ государствѣ, выступаютъ еще въ большей степени въ новѣйшемъ сочиненіи проф. Ясинскаго. Авторъ работалъ непосредственно и самостоятельно по первоисточникамъ, при чемъ привлекъ къ разсмотрѣнію и изученію матеріалъ (поземельныя описи или урбаріи), который до сихъ поръ оставляли въ сторонѣ національные изслѣдователи внутренней исторіи чешскаго государства. Онъ хорошо знакомъ съ методами изслѣдованія явленій соціальной и экономической жизни, умѣло извлекаетъ изъ источниковъ всѣ представляемыя ими данныя и точно опредѣляетъ ихъ значеніе какъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ или другомъ изслѣдуемомъ явленіи. Хорошо извѣстна проф. Ясинскому и литература изучаемыхъ имъ вопросовъ. Ко взглядамъ своихъ предшественниковъ онъ относится критически, ничего не принимаетъ на вѣру, всякое мнѣніе подвергаетъ разбору. Вообще полная самостоятельность изслѣдованія и независимость взглядовъ автора составляютъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ его труда. Выводы автора большею частью отличаются свѣжестью и новизной и, если, быть можетъ, не всѣ получатъ значеніе общепризнанныхъ истинъ, то во всякомъ случаѣ послѣдующимъ изслѣдователямъ нельзя будетъ не считаться съ ними, какъ основанными на самостоятельномъ и тщательномъ изученіи историческаго матеріала.

Книга проф. Ясинскаго состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Во введеніи (1—22) авторъ выясняетъ важное значеніе поземельныхъ описей для соціальной исторіи и отмѣчаетъ то немногое, что сдѣлано въ Чехіи для изученія этихъ важныхъ

памятниковъ. Если маститый чешскій ученый Томекъ еще 50 лѣтъ назадъ положилъ начало изученію чешскихъ поземельныхъ описей, то онъ имѣлъ мало послѣдователей, которые продолжали бы его дѣло, и въ новѣйшей чешской исторіографіи поземельныя описи привлекаютъ менѣе вниманія изслѣдователей, чѣмъ онѣ того заслуживаютъ по всей справедливости. Достаточно указать на новѣйшій двухтомный трудъ по соціальной исторіи Чехіи Липперта, въ которомъ, несмотря на его обстоятельность, поземельныя описи оставлены безъ разсмотрѣнія. Вотъ почему проф. Ясинскій принялъ на себя задачу подвергнуть подробному изученію эти важные матеріалы, содержащіе въ себѣ цѣнныя данныя для знакомства съ экономической стороной происходившаго въ Чехіи въ концѣ среднихъ вѣковъ сложнаго историческаго процесса переустройства основъ соціальнаго быта чешскаго народа. На ряду съ грамотами и лѣтописями онъ выдвинулъ и поземельныя описи, какъ важнѣйшій источникъ соціальной исторіи Чехіи.

Первая глава (23 — 107) имѣетъ предметомъ изслѣдованіе внѣшней исторіи чешскихъ поземельныхъ описей или урбаріевъ. Авторъ занимается изученіемъ трудныхъ вопросовъ о происхожденіи, составѣ и источникахъ древнѣйшихъ чешскихъ поземельныхъ описей и впервые здѣсь приходитъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ, совершенно новымъ выводамъ по всѣмъ этимъ вопросамъ. А именно: Чешскія поземельныя описи по своей формѣ, отношенію къ источникамъ и даже названію не были похожи другъ на друга. На этомъ основаніи можно сказать, что въ теченіе предгуситскаго времени поземельныя описи находились въ стадіи своего нарожденія или развитія. Хотя сохранилось только небольшое число предгуситскихъ описей, но изученіе даже этихъ описей, относящихся по времени составленія къ различнымъ десятилѣтіямъ XIII — XV вѣковъ, позволяетъ усматривать въ исторіи ихъ развитія два періода, гранью которыхъ была середина XIV вѣка. Поземельныя описи перваго періода, называемыя обыкновенно описями, состояли изъ краткихъ чиншевыхъ и

барщинныхъ замѣтокъ, а главнымъ ихъ источникомъ были устныя показанія населенія. Поземельныя описи позднѣйшаго времени, называемыя регистрами, состояли изъ подробныхъ чиншевыхъ и барщинныхъ замѣтокъ. Въ составъ однѣхъ изъ этихъ описей включены были грамоты цѣликомъ или въ извлеченіи, а другія изъ ихъ числа вписаны были въ рукописные сборники наряду съ грамотами. Эти факты доказываютъ, что составители и переписчики описей позднѣйшаго времени придавали значительно бо́льшее значеніе актовому матеріалу, чѣмъ ихъ предшественники (106 стр.). О вліяніи нѣмецкихъ урбаріевъ на происхожденіе чешскихъ поземельныхъ описей авторъ не считаетъ даже возможнымъ говорить.

Во второй главѣ (108—243) разсматривается «Самобытное развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села». Какъ извѣстно, при объясненіи происхожденія и исторіи землевладѣнія ученые придерживаются двухъ направленій. Приверженцы теоріи коллективныхъ формъ землевладѣнія полагаютъ, что первоначально главная масса народа состояла изъ свободныхъ людей, которые постепенно въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ теряли свою свободу и попадали въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Защитники другой теоріи, которую можно назвать теоріей индивидуальнаго или частнаго землевладѣнія, полагаютъ, что на первоначальной ступени развитія въ народной массѣ преобладаютъ рабы и зависимые люди, что самыя формы общаго владѣнія полями и угодьями возникли впослѣдствіи подъ вліяніемъ финансовыхъ и экономическихъ соображеній самихъ землевладѣльцевъ. Послѣдній взглядъ отстаивали кромѣ извѣстнаго французскаго ученаго Фюстель де-Куланжа, австрійскій историкъ Инама-Штернеггъ и нѣмецкіе ученые Виттихъ и Гильдебрандтъ. Въ чешской исторіографіи той же теоріи держатся Пейскаръ и Шуста. Проф. Ясинскій на ряду съ многозаслуженнымъ авторитетнымъ историкомъ чешскаго права проф. Челяковскимъ стоитъ за первую теорію и доказываетъ, что начальнымъ пунктомъ аграрнаго и соціальнаго развитія

чешскаго народа были коллективныя формы быта и землевладѣнія. Исходя изъ этого положенія авторъ послѣдовательно раскрываетъ картину развитія соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села. Установивъ, на сколько позволяютъ скудныя историческія свидѣтельства, соотношеніе между кровными и территоріальными союзами (задруга — дворъ, село — община, околица) проф. Ясинскій останавливается особенно на выясненіи вопроса объ освоеніи пустошей, какъ явленіи, обусловливавшемъ дальнѣйшее развитіе соціальнаго строя чешскаго села. Пустоши не были res nullius, но первоначально находились въ распоряженіи различныхъ юридическихъ и физическихъ лицъ. Освоеніе пустошей приводило къ образованію такъ называемыхъ уѣздовъ (circuitus). Древнѣйшіе уѣзды, какъ возникшіе на территоріи околицы, не были велики; но впослѣдствіи, преимущественно на окраинахъ государства подъ уѣзды государи стали отводить огромныя пространства земли. Возникновеніе уѣздовъ приводило къ разложенію околицы, какъ сплоченной территоріальной и правовой группы, послѣдствіемъ чего было обособленіе селъ. Аграрный строй чешскаго села по изысканіямъ автора представляется въ слѣдующемъ видѣ. Полевая запашка славянскихъ селъ въ Чехіи раздѣлялась на коны или клины. Черезполосица была естественнымъ послѣдствіемъ того, что расчистки были разрабатываемы коллективнымъ трудомъ многихъ товарищей, каждому изъ которыхъ отводилась полоса или нива, по величинѣ соотвѣтствующая размѣру его участія въ общемъ дѣлѣ. Полосы обыкновенно представляли собою площади мѣрою $^1/_{15}$—$^1/_2$ югера. Въ господскихъ селахъ, возникшихъ на территоріи уѣздовъ, запашка слагалась изъ ограниченнаго числа правильныхъ коновъ, раздѣленныхъ на малое число полосъ. Плугъ или рало былъ поземельной единицей финансоваго обложенія и возникъ на территоріи уѣздовъ. Землевладѣльцы стремились привести къ совпаденію количество податныхъ или оброчныхъ единицъ и число находившихся въ селѣ хозяйственныхъ единицъ. Въ селахъ свободныхъ людей надѣлы бывали обыкновенно меньшаго раз-

мѣра, чѣмъ въ селахъ зависимыхъ людей. Кромѣ того, на установленіе размѣра надѣловъ оказывали также вліяніе такія обстоятельства, какъ давность существованія поселенія и качество земли. Право населенія пользоваться лѣсными пустошами было остаткомъ старинныхъ вещныхъ правъ околицы и свидѣтельствовало о господствѣ въ древности коллективныхъ формъ быта. Ограниченіе права пользованія лѣсными пустошами совершалось въ формѣ размежеванія земель и отвода отдѣльнымъ селамъ особыхъ пастбищныхъ мѣстъ. Эта практика приводила постепенно къ системѣ исключительнаго полеводства.

Въ третьей главѣ (244—325) разбирается вопросъ о «развитіи зависимыхъ отношеній». Главной причиной этого соціальнаго явленія авторъ считаетъ поселеніе на чужой землѣ или желаніе пользоваться освоенными землевладѣльцами пустошами, вызванныя уменьшеніемъ пустопорожнихъ земель, какъ у крестьянъ на территоріи околицъ, такъ у крупныхъ землевладѣльцевъ. По мнѣнію автора, главная масса сельскаго зависимаго люда вышла изъ нѣдръ свободнаго населенія. Потомки же рабовъ пополнили собою классъ министеріаловъ, а главнымъ образомъ классъ сельскихъ батраковъ или подсосѣдковъ. Зависимость возникала въ силу поселенія свободнаго человѣка на чужой землѣ. Первыми колонизаторами, а слѣдовательно создателями обширнаго класса зависимыхъ людей были государи. Впослѣдствіи соглашенія между поселенцами и землевладѣльцами облекались въ форму договора, извѣстнаго подъ именемъ льготы, главнымъ условіемъ котораго было освобожденіе поселенцевъ отъ всѣхъ платежей и повинностей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Правовое положеніе зависимыхъ людей первоначально было неодинаковое: потомки свободныхъ людей пользовались правомъ перехода, а потомки рабовъ этого права не имѣли, такъ что землевладѣльцы могли по своему усмотрѣнію удалить ихъ вовсе или перевести на другія земли. Съ теченіемъ времени и потомки рабовъ, подобно потомкамъ свободныхъ людей, получили права дѣдичей, т. е. сдѣлались наслѣдственными арендаторами получен-

ныхъ ими участковъ земли. Право собственности землевладѣльцевъ на земли, отданныя зависимымъ людямъ, бывшимъ въ положеніи дѣдичей, было ограничено прежде всего тѣмъ, что землевладѣльцы не могли насильственно удалить зависимыхъ людей съ земель, а также не могли по своему произволу возвысить размѣръ ихъ службъ, повинностей и платежей.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе прекраснаго труда проф. Ясинскаго. Каждый отдѣлъ его представляетъ что-нибудь новое въ фактическомъ или теоретическомъ отношеніи. Общій же взглядъ автора на развитіе основъ соціальнаго строя чешскаго народа рѣзко расходится съ воззрѣніями на этотъ вопросъ, установившимися въ чешской исторіографіи и уже потому заслуживаетъ полнаго вниманія. Изложеніе предмета, ясное, стройное, послѣдовательное, только увеличиваетъ общее хорошее впечатлѣніе отъ книги.

При всѣхъ своихъ большихъ достоинствахъ сочиненіе проф. Ясинскаго не свободно отъ разныхъ болѣе или менѣе важныхъ недочетовъ, упущеній и пробѣловъ. Отмѣчу нѣкоторыя изъ нихъ.

Большую заслугу автора, какъ уже замѣчено, нужно видѣть въ томъ, что онъ первый подвергнулъ подробному и весьма обстоятельному изученію чешскія поземельныя описи или урбаріи. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи онъ не достигъ той полноты, которая была бы желательна. Проф. Ясинскій ограничился изученіемъ лишь изданныхъ памятниковъ этого рода, при чемъ всетаки упустилъ изъ виду одинъ уже напечатанный урбарій — Вышнебродскій, изданный Пангерлемъ въ Urkundenbuch von Hohenfurth (Font. Rer. Austr. II. 23). Поисковъ за неизданными урбаріями онъ не предпринималъ, между тѣмъ такихъ урбаріевъ въ настоящее время извѣстно два; а именно: Поземельныя описи Требоньскаго монастыря 1378 г. (въ Требоньскомъ архивѣ) и Ждярскаго 1407 г. (въ музейномъ архивѣ, въ Брнѣ) [1]). На стр. 43, въ примѣч. 2 авторъ, со словъ Эмлера,

1) Ср. Český Časopis historicky, R. VII. 1901. Sv. 3. 332.

упоминаетъ, что въ Музеѣ Королевства Чешскаго сохраняется отрывокъ *какого-то* Литомышльскаго урбарія, написаннаго по чешски. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ этомъ урбаріи проф. Ясинскій не собралъ. Но особенно приходится пожалѣть, что проф. Ясинскій, самъ замѣтившій (стр. 57), что изданіе одного изъ важнѣйшихъ урбаріевъ — урбарія Островскаго монастыря крайне неудовлетворительно, именно представляетъ путаницу страницъ памятника и произвольное соединеніе двухъ текстовъ разнаго времени, тѣмъ не менѣе не нашелъ возможнымъ получить новую, болѣе точную копію этого памятника, хранящагося въ библіотекѣ Музея Чешскаго Королевства. Нѣкоторые выводы автора, основанные на изученіи памятника по неудовлетворительному изданію Эмлера, нуждаются въ поправкахъ.

Извѣстная неполнота въ работѣ наблюдается кое-гдѣ и въ методологическомъ отношеніи. Такъ, оспаривая мнѣніе чешскаго ученаго Шусты, утверждающаго, что чешскія поземельныя описи по формѣ ничѣмъ не отличаются отъ нѣмецкихъ, проф. Ясинскій отказывается признать какую-либо связь между чешскими и нѣмецкими урбаріями: первые, по его мнѣнію возникли совершенно самостоятельно, и никакъ не могутъ разсматриваться какъ фактъ культурнаго вліянія Германіи. Однако, это положеніе могло бы оказаться убѣдительнымъ лишь въ томъ случаѣ, еслибъ авторъ провелъ параллель между чешскими урбаріями и нѣмецкими, чего онъ не сдѣлалъ въ своей книгѣ.

Въ третьей главѣ на стр. 255 — 256 авторъ отстаиваетъ положеніе, что «еще въ XII в. основную массу населенія въ Чехіи составляли свободные люди»; опять опровергая мнѣніе Шусты, утверждающаго, что въ эту пору значительная часть населенія состояла изъ рабовъ. Взглядъ проф. Ясинскаго мнѣ кажется болѣе правильнымъ, но едвали можно признать достаточной аргументацію автора: онъ ограничивается ссылкой на два лѣтописныхъ свидѣтельства, изъ которыхъ одно (Винцента) не содержитъ въ себѣ никакихъ прямыхъ указаній относительно *свободныхъ* людей. Между тѣмъ автору слѣдовало дать болѣе

прочное обоснованіе своего положенія въ виду того, что сторонники противоположнаго мнѣнія ссылаются на значительное количество документальныхъ источниковъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о рабахъ.

Проф. Ясинскій въ разныхъ частяхъ своего труда обращается къ даннымъ и фактамъ изъ исторіи другихъ народовъ, особенно русскаго, съ цѣлью достигнуть лучшаго освѣщенія явленій чешской исторической жизни. Къ сожалѣнію онъ не даетъ такихъ параллелей изъ исторіи польскаго народа, который находился въ условіяхъ, очень сходныхъ съ тѣми, среди которыхъ складывалась историческая жизнь чешскаго народа. Новѣйшія работы по соціальной и экономической исторіи Польши въ средніе вѣка Пекосинскаго, Смольки, Бальцера и др. облегчали возможность приведенія подобныхъ параллелей.

Въ первомъ своемъ сочиненіи («Паденіе земскаго строя въ чешскомъ государствѣ») проф. Ясинскій проводилъ мысль, что процессъ замѣны общеславянскаго земскаго строя въ Чехіи сословно-привилигерованнымъ обусловливался государственными нуждами и потребностями и облекался въ формы вполнѣ самобытныя. При этомъ авторъ совершенно отрицалъ воздѣйствіе на этотъ процессъ со стороны иноземныхъ нѣмецкихъ началъ. Критика уже отмѣтила всю поспѣшность такого вывода. Въ новомъ своемъ трудѣ проф. Ясинскій почти совсѣмъ не касается вопроса о нѣмецкомъ вліяніи на измѣненіе соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ XIII и XIV вв.; но онъ всетаки остается при прежнемъ взглядѣ о *самобытномъ* развитіи этихъ отношеній и нерѣдко подчеркиваетъ эту «самобытность». Такъ, вторая глава носитъ названіе: «*Самобытное* развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села». Заканчивается эта глава выводомъ: «развитіе соціальнаго и аграрнаго строя чешскаго села было *самобытно*, такъ какъ обусловливалось условіями и запросами жизни, зарождавшимися въ нѣдрахъ самого общества». Развитіе зависимыхъ отношеній также разсматривается, какъ естественный результатъ внутренней колонизаціи, вызванной

уменьшеніемъ количества пустошей. Въ этомъ подчеркиваніи «самобытности»» чешскаго соціальнаго и аграрнаго строя въ данный періодъ несомнѣнно заключается слабая сторона труда проф. Ясинскаго. Оно невольно внушаетъ читателю подозрѣніе, что авторъ приступилъ къ работѣ съ извѣстной предвзятой мыслью, чего на дѣлѣ, вѣроятно, не было. Проф. Ясинскій далъ отчетливую картину развитія соціальныхъ и аграрныхъ отношеній въ Чехіи въ средніе вѣка и на этомъ пока слѣдовало остановиться. Рѣшать вопросъ о томъ—было ли это развитіе самобытно или оно совершалось подъ вліяніемъ чужихъ нѣмецкихъ началъ—можно будетъ тогда, когда нашъ авторъ въ дальнѣйшихъ томахъ своей работы опредѣлитъ болѣе или менѣе точно размѣры нѣмецкой колонизаціи въ Чехіи въ средніе вѣка и степень силы и распространенія въ чешскомъ народѣ латино-нѣмецкихъ стихій. Пока этого имъ не сдѣлано, утвердившееся въ чешской исторіографіи мнѣніе о значительномъ вліяніи нѣмецкаго права и нѣмецкихъ обычаевъ на соціальную и культурную жизнь Чехіи въ средніе вѣка вполнѣ сохраняетъ свое значеніе. Впрочемъ, и въ книгѣ проф. Ясинскаго встрѣчаются замѣчанія, ослабляющія его утвержденіе относительно «самобытнаго» развитія чешской соціальной и экономической жизни. Напр., на стр. 26 авторъ говоритъ: «Исторія XIV вѣка есть исторія *ассимиляціи отечественныхъ началъ быта съ новыми правовыми и экономическими началами, заимствованными отъ романо-германскаго міра*»..... Или на стр. 257: «Когда же ... Чехія сдѣлалась королевствомъ, государи *подъ вліяніемъ чуждыхъ народу юридическихъ воззрѣній* стали систематически расшатывать правовыя основы старинаго быта»...

Можно было бы указать еще нѣсколько недочетовъ въ разбираемой книгѣ, но я ограничиваюсь указанными. Всѣ эти недочеты, какъ и указанные выше, нисколько не умаляютъ отмѣченныхъ крупныхъ достоинствъ труда проф. Ясинскаго. Грудъ этотъ и по цѣнности внесеннаго въ него матеріала, и по точности метода изслѣдованія и по новизнѣ выводовъ значительно

содѣйствуетъ уясненію соціальной и экономической исторіи Чехіи въ средніе вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно обогащаетъ русскую ученую литературу, такъ бѣдную самостоятельными трудами по исторіи западнаго славянства. На основаніи изложеннаго я полагаю, что данное сочиненіе проф. А. Н. Ясинскаго вполнѣ заслуживаетъ увѣнчанія Ломоносовской преміей.

II.

Словарь областного Олонецкаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ **Германъ Куликовскій**. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1898 г.

Дополненіе къ «Словарю областного Олонецкаго нарѣчія». М. 1899. (Изъ XL—XLI кн. «Этнографическаго Обозрѣнія»).

Рецензія академика А. И. Соболевскаго.

Мы все еще бѣдны свѣдѣніями о русскихъ народныхъ говорахъ вообще и о словарныхъ особенностяхъ этихъ говоровъ въ частности. Правда, записано уже значительное количество народныхъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п.; появился въ печати рядъ небольшихъ сборничковъ областныхъ словъ; беллетристы, съ А. Ѳ. Писемскимъ и графомъ Л. Н. Толстымъ во главѣ, не разъ воспользовались областными словами и выраженіями. Тѣмъ не менѣе составленный слишкомъ сорокъ лѣтъ назадъ словарь В. И. Даля остается почти единственнымъ трудомъ, гдѣ можно получить объ областныхъ словахъ нужныя справки и указанія [1]).

---

1) Мы имѣемъ еще небольшой словарь архангельскаго говора, составленный г. Подвысоцкимъ. Сверхъ того, недавно вышли въ свѣтъ словари колымскаго говора г. Богораза и кашинскаго говора г. Смирнова.

Въ виду этого трудъ г. Куликовскаго заслуживаетъ вниманія. Въ немъ собрано относительно большое число словъ Олонецкаго края, по преимуществу записанныхъ имъ лично на мѣстѣ, отчасти заимствованныхъ изъ печатныхъ источниковъ; означено (не всегда впрочемъ) ихъ удареніе; указано ихъ значеніе; приведены (часто) тѣ выраженія, въ которыхъ ему привелось ихъ услышать. Если мы примемъ во вниманіе еще то обстоятельство, что онъ составленъ въ мѣстахъ сожительства племенъ русскаго и финскаго и посвященъ словарному матеріалу говора особенно богатаго финнизмами, то его научная цѣнность будетъ для насъ достаточно ясна.

Къ сожалѣнію, словарь г. Куликовскаго имѣетъ *крупные* недостатки.

Прежде всего это — не словарь, а лишь матеріалы для словаря.

Г. Куликовскій, какъ мы сказали выше, воспользовался печатными источниками; они у него перечислены послѣ предисловія. Но далеко не всѣми и далеко не полно. Между прочимъ ему остались неизвѣстны «Народныя пѣсни Вологодской и Олонецкой губерніи», Ѳ. Студитскаго, Спб. 1841 (здѣсь пѣсни первой губерніи занимаютъ первую часть книжки, пѣсни второй — вторую); «Описаніе Олонецкой губерніи въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ», В. А. Дашкова, Спб. 1842; «Описаніе русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями», О. Х. Агреневой-Славянской, I — III; М. 1887, Тверь 1887, 1889; «Олонецкій Сборникъ», двѣ книги, и кое-что малозначительное; не вполнѣ извлеченъ матеріалъ изъ «Пѣсенъ» П. Н. Рыбникова и, между прочимъ, изъ IV части этого сборника, гдѣ помѣщенъ списокъ олонецкихъ словъ. Въ виду этого мы безъ всякаго усилія собрали рядъ олонецкихъ словъ, отсутствующихъ у г. Куликовскаго. Вотъ они.

бездиля ничего не дѣлающій, Р. 276;
болтарь олтарь, Сл. II, 7;

ватруга ватрушка, Сл. II, 40;
вичина нитка изъ древеснаго корня, О. 66;
гогарникъ трава, Р.294;
горница помѣщеніе для шкипера на суднѣ, О. 62;
городки срубъ для постройки судна, О. 59;
грязникъ мѣсто на дорогѣ, гдѣ всегда вода, Р. 294;
гуккаръ названіе судна, О. 64;
елевый еловый, О. 60;
жукóвина перстень, Сл. II, 111;
забавить промѣшкать, Р. 283;
залогъ вещь, которую дѣвушка даетъ парню въ знакъ согласія выйти за него замужъ, Сл. I, 5;
зáлозно залогъ, знакъ, Сл. II, 117;
залѣзть найти, Р. 285;
занестужь толстая дѣвка, Р. 281;
заноса сугробъ, Ст. 63;
знамя родимое пятно, Р. 286;
издаваться удаваться, Р. 284;
изнедобиться обезсилѣть, Р. 284;
кожанъ верхнее платье изъ кожи, Р. 291;
колнуться чокнуться (рюмками), Сл. II, 77;
косякъ табунъ, Р. 292;
кошевое угощеніе, Сл. II, 40;
крохать починивать, Р. 282;
ледянка перекладина на бревнахъ для спуска вновь построеннаго судна на воду, О. 60;
лучить добывать (птицу и т. п.), Р. 283;
мизгирь паукъ, Р. 290;
мотуха связка (баранокъ и т. п.), Сл. II, 117·
наволокище Р. 290;
надій надежный человѣкъ, Р. 292;
объинѣть объиндевѣть, Ст. 34;

оставежь, Р. 280;
отодраться отдѣлиться, Р. 284;

парманъ оводъ, Р. 280;
певчатый (= пельчатый?) обшитый (рукавъ), Ст. 65;
пика большой ножъ для рубки мяса, сахара, Сл. II, 49;
плакса плачущіе (собират.), Р. 291;
побойникъ повойникъ, Сл. II, 109;
полубарокъ небольшое судно, О. 60;
полулодокъ небольшая лодка, О. 61;
поносить тошнить, Р. 285;
правоплечникъ помощникъ, Сл. II, 8;
проступать пробивать ногами настъ и вязнуть въ снѣгу, Р. 282;
пружить, опружить опрокинуть (сани), Р. 283·
пясть, пинать, Р. 281;

разбракаться разболтаться, Р. 284;
распастаться распоясаться, Р. 284;
росказъ старшій сватъ, Сл. II, 24;
рьянóй сердитый, Сл. I, 5:
ряса мокрота, Р. 291;

саянъ платье, Р. 291;
сельбище мѣсто, гдѣ было селеніе, Р. 290;
скіюшка стряпуха, Сл. II, 16;
скупъ (взять) взятка, Сл. II, 15·
сколнуть сколотить, Р. 285;
собить нѣжить, Р. 288;
собиться быть не (?) по себѣ, Р. 284;
содержатай, Р. 287;
спень сонъ, Р. 287;
спѣть приготовлять, Р. 283;
страховитый страшный, Сл. II, 15;
стреканье осужденіе, Сл. II, 52;
ступить достать, Р. 283;

тарасы полати, Ст. 65;

ташка пташка, Р. 279;
торить торопить (коня), Р. 283;
трынкать рвать въ клочья, Р. 282;
тухлый глухой (громъ), Р. 286;

углаждаться услаждаться, Сл. II, 48;

хломнуть хлопнуть, Сл. II, 12;

чагать доставать, Р. 282;
чанжунъ говорунъ, Р. 291;
чарома чара, Сл. II, 33;
чета причетники, Р. 289;
шигайдунъ неповоротливый, Р. 291 [1]).

Въ виду неполноты, словарь г. Куликовскаго мало помогаетъ при чтеніи текстовъ Рыбникова и Гильфердинга.

Второй недостатокъ труда г. Куликовскаго — неточность въ передачѣ звуковъ.

Мы укоряемъ г. Куликовскаго совсѣмъ не за то, что его записи не передаютъ въ точности звуковъ олонецкаго говора. Можно, по нашему мнѣнію, не обременять читателя разнообразными значками и т. п. и тѣмъ не менѣе давать все, что ему нужно. Нашъ *укоръ относится къ орѳографіи*. Г. Куликовскій не можетъ устоять противъ орѳографическихъ привычекъ и даетъ *а* тамъ, гдѣ въ олонецкомъ говорѣ слышится *о*, *е* тамъ, гдѣ бы надо написать *ё*, *с* тамъ, гдѣ слышится *з* и т. п. Мы читаемъ: работа, развиться, раздобрѣть, разживить, размужевать, разрѣкъ и т. д., вмѣсто робота, роз- (сравни розбродить, роздуться, розсоха и т. п.); бре́уна, же́лтый, же́ноцька, крещёный, мате́рый, Семе́нъ и т. п., вмѣсто бре́ўна, жо́лтой, жо́ночка, крещо́ной, мате́рой, Семе́нъ; сгово́рной, сгодьё, сдериха и т. п., вмѣсто згово́рной, згодьё, здериха. Въ случаяхъ въ родѣ приведенныхъ свѣдущій человѣкъ безъ труда можетъ разобраться; но какъ быть въ другихъ, гдѣ теоретическія познанія не помогаютъ?

---

1) О.=Олонецкій Сборникъ, т. II, Р.=Рыбниковъ, ч. IV; Сл.=Славянскій Ст.=Студитскій.

Вотъ хотя бы слово гага́ра. Г. Куликовскій (какъ и г. Подвысоцкій, Даль) пишетъ его съ *а*; но мы его слышали съ *о*; сравни 1) го́голь, 2) гога́рникъ (у г. Куликовскаго). Или слово бара́хло. Г. Куликовскій (опять вмѣстѣ съ г. Подвысоцкимъ и Далемъ) пишетъ два *а*; но слово бо́рошень, судя по звукамъ и значенію родственное съ этимъ словомъ, заставляетъ сомнѣваться въ этихъ *а*. Или слово *саламáта*. Такъ у г. Куликовскаго. Даль даетъ и *саламата* и *соломата* (первое, очевидно, для акающихъ, второе для окающихъ говоровъ). То же можно сказать объ *алалы́кать* (сравни у Даля *алалыкать* и *ололыкать*, съ однимъ значеніемъ), объ *азя́мъ* (сравни у Даля *азямъ* и *озямъ*), объ *а́рандать* (сравни въ «Новгородскомъ Сборникѣ», томъ I, стр. 293: арондаю громко говорю), объ *барбаши́ть* (сравни *бараба́шить*), объ *бахторма́* (сравни въ статьѣ Б. Яновскаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1855 года, томъ 130, стр. 62: *бахтарма*—нижняя часть у гнилыхъ грибовъ). А что значатъ *а* и *о* рядомъ въ *бажа́тка* и *божа́тка* крестная мать (какъ у Даля; у Подвысоцкаго только *божатка*), *бразга* и *брозга*, *варовой* и *воровой*, *казю́ля* и *козу́ля*, *маракова́ть* и *мороковáть*, *матовусъ* и *мотоусъ*, *моторъ* и *мотаръ* и т. п.?

Объ *ё* при ударенiи и особенно безъ ударенiя, гдѣ русскiе говоры даютъ разнообразный матерiалъ, нечего и говорить. Трудно даже догадываться, какъ надо читать слово домови́ще, съ *е* на концѣ, или съ *о* (сравни запертищо и т. п.).

Буква *ѣ* дѣлаетъ свое дѣло. Г. Куликовскій ставитъ ее въ большомъ количествѣ случаевъ, и согласно съ орѳографіей, и независимо отъ этой послѣдней. Поясненій у него нѣтъ нигдѣ, и приходится недоумѣвать, что́ значитъ *ѣ* въ *болѣмогя* (взято у Е. В. Барсова), *бѣжъ*, *вѣтляный* и т. п. Какъ будто *ѣ* здѣсь поставленъ только по этимологическимъ соображенiямъ.

Окончанiе им. ед. муж. рода именъ прилагательныхъ *-ый*, рядомъ съ которымъ изрѣдка встрѣчается и *-ой* (безъ ударенiя), также наводитъ на сомнѣнiя.

Третiй недостатокъ, уже не особенно важный, — смѣшенiе

фонетическихъ и морфологическихъ особенностей со словарными.

Г. Куликовскій не нашелъ возможнымъ или нужнымъ сообщить свѣдѣнія вообще объ говорѣ (точнѣе: говорахъ) Олонецкаго края; отсюда въ его трудѣ длинный рядъ такихъ словъ, которыхъ не слѣдовало бы помѣщать въ словарѣ, и такихъ, которыя лучше бы помѣстить въ болѣе обычной звуковой окраскѣ, въ соотвѣтствіе другимъ словамъ словаря. Таковы: горцюха, дрогцить, женоцька, ницёвушка и т. п., дребь, éстребъ, опéть, гоношúтце и т. п.; брéуна (*у* = ў ?), бы́*у* (= былъ), верёука, кýкоука, лáука и т. п.; ботóла и бутóла и т. п.; веретнó, вúдла (= веретено, видѣла) и т. п.; по весни́, ведё, возьмё (3 л. ед. ч.) и т. п.

Мѣстные знатоки олонецкаго нарѣчія, вѣроятно, указали бы еще на не всегда вѣрное опредѣленіе значенія словъ. Мы можемъ привести лишь два примѣра, гдѣ г. Куликовскій расходится съ другими, и гдѣ точность не на сторонѣ г. Куликовскаго. По г. Куликовскому, *боковушка* — «комната, устроенная въ кладовой деревенскаго дома»; по Б. Яновскому, это слово означаетъ небольшую, отдѣльную отъ избы горницу, гдѣ промышленники складываютъ свою добычу («Библіотека для Чтенія» 1855 года, томъ 131, стр. 183). — Г. Куликовскій опредѣляетъ *пинда* такимъ образомъ: «нѣжный слой древесины, преимущественно сосновыхъ деревьевъ, лежащій непосредственно подъ корою», «сгнившая древесина каждаго дерева»; по «Новгородскому Сборнику», это слово значитъ: рѣдкослойность лѣса (томъ I, стр. 203). Сверхъ того, позволительно усомниться, чтобы *бита́*, *битка* обозначало «стальную плитку для игры въ бабки», а не бабку налитую свинцомъ; чтобы *жонка* значило только «жена», а не «женщина» вообще; чтобы *мнѣ лихо* значило: «не хочется», а не «мнѣ дурно, тяжело» (сравни тобольск. *лихо* — тошнитъ («Живая Старина» 1899 года, вып. IV, стр. 498).

Словарь г. Куликовскаго не представляетъ выдающихся достоинствъ и во всѣхъ отношеніяхъ далекъ отъ совершен-

ства; чувствуется недостаточность необходимой научной подготовки у автора. Тѣмъ не менѣе онъ расширяетъ наши свѣдѣнія о русскихъ народныхъ говорахъ и можетъ быть полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Въ виду этого, онъ заслуживаетъ поощренія.